Над высокой трибуной Старый император посмотрел на Цзи Ланьчжоу с одобрением, но вслух пожурил его:

— В Зале Вэньдэ не стоит болтать попусту. Разве прилично обсуждать дела внутренней женской половины?

— Сын признает свою ошибку, — Цзи Ланьчжоу опустил голову и покорно признал вину.

Старый император потер виски и произнес:

— Ладно, я утомился. Наследный принц пусть останется, остальные свободны.

Люди в зале один за другим откланялись и вышли.

Выйдя из Зала Вэньдэ, Цзи Ланьчжоу даже не обратил внимания на Князя Цзинь, который пытался окликнуть его на ходу. Заложив руки за спину, он в ярости прямиком направился к дворцовым воротам. Его шаги были быстрыми, полы длинного лазурного халата развевались при ходьбе — он выглядел человеком, доведенным до предела. Цзин Лоу с холодным лицом следовал за ним, не отставая более чем на два шага. Всю дорогу они молчали; даже стороннему наблюдателю было ясно, что эти двое как огонь и вода и терпеть друг друга не могут.

Лишь забравшись в карету после выхода из дворца, Цзи Ланьчжоу наконец выдохнул, и выражение его лица мгновенно смягчилось. Цзин Лоу последовал за ним внутрь.

— Ты в порядке? — Цзи Ланьчжоу с беспокойством посмотрел на него. — Не бери в голову то, что я наговорил там.

В зале он сказал немало слов против своей воли, очерняя и оскорбляя Цзин Лоу, а тот все стерпел, не проронив ни звука, принимая все унижения как должное. То ли из верности и соблюдения чинов, то ли затаив обиду, чтобы свести счеты позже. В конце концов, по сюжету оригинальной истории, Цзин Лоу поднял мятеж, что указывало на наличие в нем задатков незаурядного полководца. Цзи Ланьчжоу боялся, что Цзин Лоу затаил злобу или превратно истолковал его намерения, поэтому решил, что объясниться нужно как можно скорее. Первоочередной задачей было успокоить Цзин Лоу, ведь защита этого человека была залогом его собственного выживания в будущем.

Пока Цзи Ланьчжоу размышлял, как лучше объясниться, он не подозревал, что Цзин Лоу тоже изучает его. Ван Юн то осыпал его насмешками в зале, то проявлял дружелюбие, стоило им остаться наедине — эта резкая смена масок делала его непредсказуемым. Подобный контраст заставил Цзин Лоу лишь еще больше утвердиться в мысли, что этот Цзи Ланьчжоу отнюдь не прост.

— Какова твоя истинная цель? — холодно спросил Цзин Лоу.

Цзи Ланьчжоу опешил:

— Что?

— В зале ты намеренно прервал речь Наследного принца, а потом притворился недовольным и начал чернить меня, — Цзин Лоу смотрел прямо в глаза Цзи Ланьчжоу. — Ты из кожи вон лез, не боясь поссориться с Наследным принцем, лишь бы отвести от меня беду. Зачем?

Не ожидая, что Цзин Лоу так проницательно разгадает его замысел, Цзи Ланьчжоу одобрительно приподнял бровь, еще выше оценив своего Главного супруга. Не зря он главный герой — говорить с умным человеком куда проще, не нужно тратить силы на объяснения.

Цзи Ланьчжоу не стал скрывать и прямо ответил:

— Мы с тобой — одно целое. Делая это для тебя, я делаю это для себя.

А еще ради Наследного принца. Тот был прямодушен и искренне сожалел, что таланты Цзин Лоу пропадают впустую в Резиденции вана Юна, но был слишком наивен и до сих пор питал иллюзии насчет Старого императора, не понимая, что уже давно стал бельмом у него в глазу. В той ситуации внезапное предложение Наследного принца лишь вызвало бы у императора подозрения в их тайном сговоре, что крайне навредило бы Цзин Лоу.

Позиция Цзи Ланьчжоу в тот момент была решающей. Услышав от Старого императора, что Наследный принц и Ван Юн выросли вместе, он понял: если он поддержит слова принца, то в глазах императора навсегда запишется в его партию. А какой правитель на престоле обрадуется, видя, как растет влияние его амбициозных сыновей? Вот он и разыграл целый спектакль: и подозрения в союзе с принцем снял, и, выказав пренебрежение к Цзин Лоу, угодил желанию императора относительно брака. После этого случая Старый император в будущем станет доверять ему гораздо больше, что значительно облегчит действия при дворе. Жаль только, неясно, что именно император скажет Наследному принцу, оставив его наедине.

Цзи Ланьчжоу снова посмотрел на Цзин Лоу. Он счел, что сейчас самое время расставить все точки над i.

— У меня нет намерений чинить тебе препятствия, и тебе незачем меня испытывать, — торжественно произнес он. — Клянусь, если однажды я смогу сам распоряжаться своей судьбой, то не стану удерживать тебя, если ты захочешь уйти.

Цзин Лоу застыл, впившись взглядом в Цзи Ланьчжоу. Он прекрасно понимал, что подобные речи — это крамола и безумие; даже Наследный принц не осмелился бы говорить о том, чтобы «распоряжаться судьбой». Неужели Ван Юн, который в начале своей службы никак себя не проявлял, действительно вынашивает столь далеко идущие планы? Неужели он в самом деле намерен вступить в борьбу за трон? Если он перетянет на свою сторону Маркиза Пинюаня, то большая часть военачальников окажется на его стороне, и для Ван Юна, у которого нет поддержки при дворе, это вполне может стать решающим шагом.

Цзин Лоу смотрел на внешне болезненного и хрупкого Ван Юна, испытывая внезапное уважение.

— Ты совсем не такой, как о тебе говорят, — негромко сказал он.

Острый ум, расчетливость, амбиции.

Цзи Ланьчжоу не догадывался, насколько глубоко копает Цзин Лоу. Он усмехнулся и игриво добавил:

— И ты тоже. Совсем не такой, каким я себе тебя представлял.

Красив, статен и весьма хорош собой.

Так между ними было достигнуто предварительное согласие. Карета мерно покачивалась на пути к Резиденции вана Юна, и оба человека в ней замышляли свое.

Ху-ван Цзи Ланьчжэ, выйдя из Зала Вэньдэ, прямиком направился во внутренние покои дворца. Его мать, Благородная супруга Чжуан, уже более десяти лет пользовалась неизменной благосклонностью императора, и тот даровал Ху-вану право входить в покои матери без доклада.

— Матушка-наложница!

Еще не войдя, Ху-ван уже кричал у входа в Зал Хуаньи:

— Матушка!

Служанки, ждавшие у ворот, уже привыкли к этому и поспешили навстречу:

— Ваше Высочество, госпожа догадалась, что вы придете, и уже давно вас ждет.

Проводив Цзи Ланьчжэ внутрь, они ввели его в опочивальню. Просторный, роскошный зал был наполнен приятным ароматом цветов, вокруг колыхались шелковые занавеси, а само убранство кричало о богатстве.

— Сын пришел засвидетельствовать свое почтение.

Цзи Ланьчжэ подошел к кровати и опустился на колени за занавесью из лунных камней. Человек на кушетке едва заметно шевельнулся, после чего раздался томный и нежный голос:

— О том, что произошло в главном зале, я уже знаю.

Цзи Ланьчжэ выдохнул с облегчением, а затем с негодованием пожаловался:

— Так матушка знает, что сказал Цзи Ланьчжоу? Он посмел перечить мне, да еще и при отце-императоре так отрезал, что я не знал, куда деться!

Ранее в зале одно-единственное слово Цзи Ланьчжоу едва не довело его до беды. Если бы не любовь Его Величества, за проявленное неуважение можно было и наказание понести. Он никак не ожидал, что Цзи Ланьчжоу, всегда бывший тихоней, подставит его таким образом. Эту обиду Цзи Ланьчжэ проглотить не мог, поэтому и примчался к Благородной супруге Чжуан жаловаться.

— Император пожаловал этот брак против воли Ван Юна, так что его гнев вполне оправдан, — усмехнулась женщина за пологом, упрекая сына. — Кто просил тебя подливать масла в огонь? Неужели ты не знал, что даже кролик может укусить, если его загнать в угол?

Понимая, что сам спровоцировал конфликт своими насмешками, Цзи Ланьчжэ с неохотой поджал губы, но все же упрямо пробормотал:

— Он вечно строит из себя утонченного ценителя, а теперь взял в супруги грубого вояку. Что такого в том, что я сказал об этом пару слов?

— Ничего особенного, вот только ты напомнил Его Величеству о причине, по которой он даровал этот брак.

Цзи Ланьчжэ в недоумении поднял голову. За пологом послышалось шуршание тканей, силуэт на занавеси задвигался, и вышла служанка, откинув занавесь. Благородная супруга Чжуан, облаченная в роскошные одежды, полулежала на кушетке, наслаждаясь массажем и поедая несезонные личи. Она была ослепительно красива: кожа цвета топленого молока, ярко-алые губы, словно сочная вишня, и соблазнительная маленькая родинка под глазом. Ее изящные брови были слегка нахмурены, когда она взглянула на сына:

— Ты хоть понимаешь, почему император пожаловал этот брак?

— Маркиз Пинюань отличился на защите Севера, так что это была милость отца-императора, — не задумываясь, ответил Цзи Ланьчжэ.

— Глупец! — взвизгнула Благородная супруга Чжуан, впившись длинными ногтями в ладони. — Если бы император хотел наградить его, он мог бы подобрать любую дочь знатного рода, зачем было отдавать Цзин Лоу в супруги этому хилому Ван Юну?

— Это… — Цзи Ланьчжэ лишился дара речи.

Император сказал так в зале, он и поверил, не вникая в причины. Теперь же, после слов матери, глаза Цзи Ланьчжэ открылись. Император использовал брак как способ приструнить Маркиза Пинюаня, а выбрал Ван Юна лишь потому, что статус Генерала Укротителя Севера

могут подавить только принцы и члены императорской семьи. Ван Юн был самым никчемным из всех принцев, без корней, достижений или способностей, а значит — самым послушным инструментом.

Мой самый бесполезный сын способен принизить твоего сына — разве есть унижение страшнее, чтобы сломить Маркиза Пинюаня?

Цзи Ланьчжэ широко открыл глаза:

— Матушка, значит, отец-император…

Не дав ему закончить, Благородная супруга Чжуан приложила палец к губам, призывая замолчать. Цзи Ланьчжэ поспешно закрыл рот.

Благородная супруга Чжуан двумя пальцами подхватила прозрачную ягоду личи:

— Жаль, что даже если император недолюбливает Ван Юна, тот все же остается его плотью и кровью. Твои слова и его умелое поведение заставили императора устыдиться.

Сказав это, она вонзила ногти в мякоть личи.

— Ван Юну это только на руку.

Цзи Ланьчжэ и представить не мог, сколько тут скрытых смыслов. Теперь он ненавидел брата всем сердцем. Значит, это Цзи Ланьчжоу мутил воду. Неудивительно, что сегодняшний Ван Юн показался ему таким острым на язык — он все это время расставлял капканы! Его использовали, как пешку!

Благородная супруга Чжуан мяла личи в пальцах и негромко произнесла:

— Больше всего я опа□саюсь, что Ван Юн выйдет на политическую арену, и у нас появится еще один враг.

Наследного принца и Князя Цзинь и так было нелегко сдержать, а тут еще и Ван Юн. Если действовать неосторожно, можно потерять преимущество. Подумав об этом, она сжала ладонь, раздавив ягоду в кашу. Глядя на своего простодушного сына, она чувствовала лишь досаду. Властным тоном она проинструктировала его:

— В эти дни веди себя тише, не болтай лишнего. Постарайся произвести на отца впечатление усердного сына.

http://bllate.org/book/41076/5228551